

ЭСФорум

№ 1 (февраль), 2008 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ
ЛАБОРАТОРИИ
ЭКОНОМИКО-
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЗНАКОМИМСЯ.....2   **УЗНАЕМ** 5   **УЧИМСЯ** .....7; 11   **ШУТИМ** 15

Наука и творчество:
есть ли точки
соприкосновения?

Готовы ли
экономсоциологи
к «эмоциональному
повороту»?

ММК: неоконченная
история методологии

Казино: вовлеченность
и эмоции

Экономсоциология
и реклама

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной плод творческих усилий коллектива ЛЭСИ – седьмой номер бюллетеня «ЭСФорум». На этот раз предстоит разговор об эмоциях. В рубрике «Знакомимся» мы предлагаем Вашему вниманию интервью с профессором Галиной Иванченко, которая рассуждает о том, является ли наука творческой деятельностью и мешает ли работе ученого эмоциональное восприятие проблемы, а также о том, нужно ли ждать вдохновения, или творчество – это продукт планомерного труда.

В рубрике «Узнаем» представлен перевод эссе американского социолога Мейбел Березин на тему «Готовы ли экономсоциологи к "эмоциональному повороту"»? Связь эмоций и хозяйства – относительно новое для нас предметное поле. Автор эссе пытается очертить круг тем и вопросов, изучением которых стоило бы заняться экономсоциологам.

В рубрике «Учимся» мы публикуем работы магистров факультета социологии ГУ ВШЭ: очерк Константина Фурсова «ММК: неоконченная история методологии» – об истории методологического движения, возглавляемого Г.П. Щедровицким, и эссе Айгуль Мавлетовой на тему: «Казино: вовлеченность и эмоции». Из последнего вы узнаете, почему в казино отсутствуют посторонние, в нем нет ни окон, ни часов, а также поймете, какие эмоции испытывают игроки, бу-

дучи всецело вовлеченными в азартную игру.

В завершающей «ЭСФорум» рубрике «Шутим» мы продемонстрируем, что вездесущая реклама могла бы сказать об экономсоциологии и каким образом она способна воздействовать на наше экономико-социологическое подсознание.

Создатели «ЭСФорума»

P.S. Попробуйте отгадать, что зашифровано в нашем ребусе.

Муки творчества:

«Я – женщина. Это утверждение может дать повод поупражняться в остроумии моим знакомым, достоверно знающим, что я не женщина. А наоборот, мужчина. Но я выше этого. Я пишу рассказ о женщине. От имени женщины. Значит, сейчас я – женщина. Бесспорно. Таков закон искусства».

Михаил Веллер

Галина Иванченко

доктор философских наук,
профессор кафедры общей
социологии, зам. декана
по научной работе факультета
социологии ГУ ВШЭ

– Галина Владимировна, если верить толковому словарю, «наука – это систематическое объединение и изложение объективно достоверных сведений, принадлежащих к какой-либо области знания»¹. Такое определение не оставляет в науке места для творчества. На Ваш взгляд, наука – это все-таки творческая деятельность?

– Здесь действительно есть проблема. С одной стороны, существует понятие научного творчества, с другой – научное творчество обычно противопоставляется художественному. Предполагается, что в науке ключевую роль играют алгоритмы получения знания, тогда как в искусстве – интуиция и субъективность. Если бы Исаак Ньютон не открыл закон всемирного тяготения, какой-нибудь другой физик обязательно сделал бы это. Однако мы не знаем, сколько лет ему потребовалось бы для формулирования этого закона и какие последствия для науки имело бы подобное открытие (совершенное в другом месте и в другое время). Вот почему многие авторы уверены, что в науке роль человеческого фактора не менее существенна, чем в живописи или поэзии.

– Существует мнение, что одной из основополагающих предпосылок творчества является вдохновение. Однако вопреки такому мнению в последнее время стали появлять-

Наука и творчество:

ся публикации, в которых предпринимаются попытки представить творчество рациональным процессом. Все чаще можно прочитать о специальных методиках, позволяющих любому человеку создавать креативные продукты, выдвигать креативные идеи. Что Вы думаете об этом? Какая трактовка творчества кажется Вам более убедительной?

– Во-первых, стоит сказать, что творцы давно нашли способы преодолеть зависимость от вдохновения. Они вырабатывают определенные правила, к примеру, даже если «не пишется», сидят над чистым листом бумаги не менее трех часов или заставляют себя выполнять «норму» – ежедневно написать определенное количество страниц. Широко известно высказывание Петра Ильича Чайковского о том, что вдохновение – гостья, которая не любит посещать ленивых. Тем не менее, размышляя о природе творчества, нельзя игнорировать проблему негарантированности его плодов. Прогрессивные методики хороши тем, что их использование позволяет получить хоть какой-то результат. А «какой-то» результат – это всегда лучше, чем отсутствие такового. Вместе с тем нет никакой гарантии, что полученный путем применения рациональных алгоритмов результат будет первоклассным.

Во-вторых, редкий человек имеет возможность творить большую часть своего времени. Многие талантливые люди пытаются отгородиться от быта и других аспектов жизни, отвлекающих от творческого процесса. В таких условиях вдохновение является неожиданным, но приятным дополнением, результатом постоянного пребывания в творческом состоянии. Заметим, что творческое состояние – не обязательно состояние вдохновенное и приподнятое. Творчество может быть мучительным, длительным, тоскливым, повторяющимся процессом поиска решения. Поэтому целенаправленность (постоянная сознательная или даже бессознательная работа над проблемой) придает творческому процессу основательность и прочность, выгодно отличая такую стратегию от страте-

гии вынужденного ожидания вдохновения. Ведь никогда не знаешь, придет оно или нет.

Творчество со стороны его высших достижений имеет своим неперменным условием целеустремленность. А выстроить логику жизни творческой личности намного сложнее, чем научиться находить не пять, а пятнадцать вариантов решения проблемы².

– Выходит, что даже искренняя заинтересованность исследователя в решении проблемы не отменяет самодисциплины? Значит, нашим студентам не стоит надеяться на то, что одного их творческого порыва хватит на написание, скажем, дипломной работы?

– Способов и стилей работы немало. Одни студенты выигрывают за счет самодисциплины. Благодаря их способности предусмотреть все до мелочей, материалы, необходимые для написания эссе, дипломной работы и т.д. в нужный момент оказываются у них под рукой. Другие «выезжают» за счет того, что много читают, получают яркие впечатления от жизни, занимаются одновременно миллионом дел. Они рассчитывают на то, что в час «X» смогут использовать свои, пусть и небольшие, знания о предмете таким образом, что получится по-настоящему интересная работа. Оптимум в этом вопросе находится посередине: без самодисциплины редко получается что-то законченное, без творческого вдохновения и заинтересованности написанное может оказаться сухим и мертвым.

– Иногда кажется, что аспиранты, выбравшие для своей диссертации темы, задевающие их за живое, реже доходят до защиты, чем те, кто при выборе исследовательской проблематики в меньшей степени ориентировался на собственные ощущения. Бывает ли так, что интерес к объекту или предмету исследования, эмоциональная реакция на него мешают работе? Или это просто

¹ Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // <http://slovari.yandex.ru/dict/brokminor>.

² Альтшуллер Г., Верткин И. Как стать гением. Жизненная стратегия творческой личности. Минск: Беларусь, 1994.

ЕСТЬ ЛИ ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ?

Леонардо да Винчи.
Автопортрет

красивое оправдание собственной бездеятельности?

— Здесь можно провести аналогию между браками по расчету и браками по любви. Известно, что браки, заключенные по любви, чаще заканчиваются разводами, чем те, что заключены по расчету (по крайней мере, в первые годы брачного союза). С выбором темы складывается похожая ситуация. Можно назвать по меньшей мере пару причин, по которым живой интерес к предмету способен помешать написанию работы.

Первая причина состоит в том, что увлеченность темой препятствует инструментальному отношению к ней. Для некоторых людей живой интерес к проблеме так и не переходит на уровень конкретных действий, последовательных шагов на пути ее решения.

Чтобы написать текст, автор должен хотя бы приблизительно знать, что и в каком порядке ему нужно делать, и планомерно выстраивать работу над материалом. Есть редкие счастливицы, которые могут сложить, например, докторскую диссертацию из двух монографий или кандидатскую из полудюжины статей. На деле же тексты редко оказываются следствием разумного планирования.

Вторая причина, почему увлеченность проблемой может противодействовать работе над ней, связана с тем, что эмо-

циональное восприятие темы характерно для людей, которым в принципе сложнее выстраивать целенаправленную, во многом рутинную деятельность.

Безусловно, любой текст можно совершенствовать практически бесконечно. Есть люди, которые, например, по несколько лет работают над введением к диссертации. Мы часто сетуем, что в современном обществе снижаются культурные стандарты, ухудшаются качество речи, уровень базовой математической подготовки, знание классических литературных произведений и т.д. Однако парадоксальным образом стандарты никуда не исчезают. Крайним проявлением ориентации на недостижимые стандарты служит известный клиническим психологам «перфекционизм»³.

Так, порой аспирант не может написать диссертационную работу, потому что хочет создать шедевр. Он забывает, что кандидатская диссертация — это квалификационная работа, и стремится создать нечто, сопоставимое с трудами классиков. Но, изучая труды классиков той или иной науки, мы знакомимся с вершинами творчества, с его самыми лучшими проявлениями. Мы сравниваем свои работы с шедеврами, и, конечно, сравнение оказывается не в нашу пользу. Однако мы забываем о том, что прежде чем предъявить миру выдающиеся произведения, маститые авторы написали немало количество квалификационных работ и изрядное число работ, откровенно слабых. И нам стоит об этом помнить, мучаясь над очередной страницей.

— Как бы Вы в таком случае рекомендовали студентам выбирать тему для эссе, дипломов, магистерских диссертаций?

— Единого рецепта не существует. Выбирая тему исследовательской работы, человек руководствуется множеством мотивов, в чем не всегда отдает себе отчет. Иногда может казаться, что тема тебе интересна, тогда как ты бессозна-

³ Словари определяют перфекционизм как «установку рассматривать в качестве неприемлемого все, что ниже совершенства» // Merriam-Webster. Collegiate Dictionary. N.Y., 1996.

А.С. Пушкин. Автопортрет

тельно считаешь, что такой выбор позволит подготовить работу с минимальными усилиями. Или наоборот, — готовые темы тебя не устраивают. Ты хочешь поставить новую проблему, в отношении которой никто пока не сказал своего слова, ключ к решению которой лежит за пределами имеющегося инструментария, готовых схем анализа и известных методов решения.

Психологические исследования показывают, что при всей своей рутинности выбор темы тесно связан с личностными характеристиками человека: склонен ли он анализировать, умеет ли осознанно делать выбор, может ли определить для себя критерии этого выбора. То, что ты хочешь в какой-то момент минимизировать свои усилия, не говорит о тебе ни хорошо, ни плохо (жизненные обстоятельства бывают разными). Однако, если ты все время идешь по пути наименьшего сопротивления, об этом, наверное, следует задуматься. И то, что ты все время берешься за трудные задачи, которые, может быть, не только ты, но и никто никогда не решит, характеризует тебя определенным образом. Почему бы не снизить планку и не попробовать ставить перед собой реальные задачи? Здесь нужна золотая середина. Мы ежедневно делаем выбор, но в действительности нас никто не учит выбирать. И для зрелой личности, для человека, который не хочет в будущем по-

Пушкин А.С. «Моцарт и Сальери». Илл. М.А. Врубеля (1884)

жалеть о сделанном выборе, очень важно развивать в себе эту способность.

– **Вы сказали, что ради творчества людям приходится в чем-то себя ограничивать. Всегда ли это так? Всегда ли приходится платить за возможность творить или дело в том, что одни люди способны к самоорганизации, так что успевают делать все, а другие нет?**

– Действительно, каждый выбор имеет цену. И вопрос в том, чем ты согласен пожертвовать ради того, чтобы часть своего времени или даже всю жизнь заниматься наукой, творчеством, а от чего не намерен отказываться ни при каких условиях.

Людей, которые всецело готовы отдаться науке и творчеству, немного. Большинство из нас не может обходиться без отношений с другими людьми, без семьи, детей, искусства, любования природой и т.д.

Осознание острой нехватки времени особенно усилилось в последние годы. Еще в середине XX в. людям не приходилось тратить столько сил на то, чтобы соответствовать субкультурным стандартам: необходимо быть в курсе новостей, соответствовать моде нынешнего сезона, прочитать то, что прочитали все, в чем-то поучаствовать, где-то побывать. Более того, даже такие, казалось бы, помощники, как автомобиль, Интернет, мобильный телефон, отнимают значительную

часть нашего времени. Вспомним также и полшутливое высказывание о том, что диссертацию нужно писать в невыносимых условиях. В этом тоже есть своя правда.

Что касается способности к самоорганизации, то не все люди, кажущиеся организованными, являются таковыми от природы. Чаще всего организованность присуща тем, кто привык много и планомерно работать. В то же время некоторые люди всегда работают под влиянием импульса, и им это не мешает.

Таким образом, многое зависит от того, каков личностный смысл твоей работы в науке вообще и над диссертацией, дипломом в частности. Если ты воспринимаешь работу над текстом как время, которое приходится с большим трудом выкраивать в ущерб отношениям с любимым человеком, чтению книг, танцам, пробежкам, прогулкам и т.д., то имеет смысл задуматься о жизненных приоритетах. Если ты, наоборот, к большинству видов деятельности, не связанных с наукой, относишься как к помехе, можно с высокой долей вероятности утверждать, что научная работа тебе действительно интересна.

– **Значит ли это, что человеку, который решит для себя, что друзья и чтение художественных книг ему дороже, лучше уйти из науки, сменить род деятельности? Ведь добиться хороших результатов мож-**

но, лишь искренне отдаваясь делу. А если придется себя заставлять заниматься наукой, вряд ли из этого получится что-то стоящее. Или к подобным ощущениям нельзя относиться как к индикатору?

– Есть мнение, что в науку стоит идти людям, которых привлекает ее рутинная часть, тем, кто способен долгие часы искать нужную публикацию в библиотеке или потратить несколько недель ради подготовки пятиминутного естественнонаучного эксперимента. И если тебе не нравится рутинная деятельность, то твое место, скажем так, не в науке. Однако, на мой взгляд, такая позиция излишне категорична. Каждый из нас со временем взрослеет, меняется. Поэтому поспешно бросить все и уйти из науки не просто неверный шаг, но и большая ошибка. Конечно, решение «покончить» с наукой не означает, что ты никогда не сможешь в нее вернуться. Однако с каждым годом сделать это будет сложнее. Люди, испытавшие радость творческой работы, согласятся с тем, что это одно величайших, и при этом не приедающихся, интеллектуальных удовольствий. Поэтому менее радикальным будет решение попробовать себя в разных ипостасях, связанных с твоей специальностью. В любой современной профессии востребованы работники с разными склонностями и навыками. Одни позиции предполагают больше работу с людьми, другие – с документами, книгами, компьютером, анализом данных и т.д. Практически всегда есть возможность найти свою нишу. И вряд ли стоит, почувствовав скуку, неудовлетворенность, ощутив безграничность дистанции, отделяющей тебя от совершенства, сразу же уходить из науки в другие сферы.

– **Стоит ли, по Вашему мнению, специально ограничивать себя в каких-то увлечениях ради того, чтобы сэкономить творческие силы для научной работы?**

– Чаще всего люди неплохо знают себя, и кто-то прилагает усилия, чтобы не отвлекаться на интересные занятия, альтернативные науке виды деятельности, а кто-то способен более или менее легко все сочетать. Вторые чаще знают, как построить работу, сколько времени потребуется на ее заверше-

ние. И для этого совсем не обязательно иметь расписанный по часам график работы над диссертацией. Однако составление самого общего плана работы позволяет избавиться от напряжения, вызванного состоянием неопределенности. В противном случае это напряжение побуждает человека к тому, чтобы искать альтернативные занятия. А будучи занятым, он забывает о напряжении, о своей проблеме. Часто мы отодвигаем момент, когда останемся один на один с текстом, потому что не знаем, что нам с ним делать. Можно попытаться, например, «вытащить себя за волосы» из болота неопределенности путем формализации задач или за счет смены фокуса интереса. Нет прогресса в твоей работе в нынешнем ее ракурсе – обсуди свои сомнения с научным руководителем. Может быть, тебе удастся, даже не меняя темы, повернуть материал совсем по-другому. И это придаст работе новый импульс. В общем, с одной стороны, необходимо медленно и планомерно формировать у себя привычку трудиться. С другой стороны, не следует делать для этого очень резких движений, поскольку нет никаких гарантий, что, оборвав все дружеские связи и заперев себя в четырех стенах, ты сумеешь работать более плодотворно, чем оставаясь в гуще жизни.

– **Подчас складывается впечатление, что ученый – это человек, у которого не бывает досуга, в том смысле, что он вынужден постоянно находиться в состоянии умственного напряжения. На Ваш взгляд, это впечатление соответствует действительности?**

– «Вынужден» здесь не совсем подходящее слово. Многие ученые, мужчины и женщины, переживают, если их на какое-то время отрывают от любимого дела. Фактически они живут работой, а все остальное воспринимают как помеху, которую желательно побыстрее устранить. Противоположный случай – тот, когда человек находит массу причин и мелких дел, лишь бы не работать серьезно. Возможность достижения разумного баланса, наверное, находится где-то посередине, но все-таки ближе к искренней заинтересованности и увлеченности.

**Беседовала
Елена Александрова**

ГОТОВЫ ЛИ ЭКОНОМСОЦИОЛОГИ К «ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ ПОВОРОТУ»?¹

Мейбел Березин

доцент социологии Корнелльского университета США²

Перевод Зои Котельниковой

Сегодня «эмоциональный поворот», как в свое время «культурный» и «исторический» повороты, способен придать политической и экономической социологии новый прилив энергии. В некоторой степени «эмоциональный поворот» – это еще одна попытка противостоять теории рационального выбора и формальным экономическим моделям, набирающим силу в политологии и социологии³. Теории, которые игнорируют аффективное измерение социальной жизни, сталкиваются с проблемой объяснения индивидуального и (или) коллективного поведения, движимого не рациональными факторами, например, этнических чис-

ток, пагубной зависимости, жадности, альтруизма.

Несмотря на возрастающее понимание того, что эмоции имеют значение для социальных наук, удивительно, но даже у теоретиков, склонных к формальному анализу (например, у Дж. Эльстера⁴), до сих пор нет ответа на ключевой вопрос: как они влияют? Каким образом эмоциональные реакции транспонируются из физического состояния в особые формы индивидуального и коллективного действий?

На полях «эмоции и хозяйство» еще не протоптана дисциплинарная тропа, по которой могли бы шагать экономсоциологи. В своей недавно опубликованной статье, посвященной эмоциям и хозяйству⁵, я представила обзор огромного количества публикаций, написанных в рамках разных дисциплин: истории, социологии, экономики, психологии и философии. На основе анализа противоречий, впрочем, как и точек соприкосновения, содержащихся в рассмотренных мною работах об эмоциях, можно обозначить четыре важных пункта⁶.

1. *Эмоции – это не психологическое, а физическое состояние.* Согласно Дж. Тернеру, нейронауки⁷ – это дисциплинарное прибежище для многих современных инновационных работ об эмоциях. Нейробиолог Антонио Дамазио⁸ утверждает, что эмо-

¹ Berezin M. Are Economic Sociologists Ready for the Emotional Turn? // Accounts: A Newsletter of Economic Sociology. 2004. Vol. 5. No. 1 (Fall). P. 4–5.

² Полная версия этой статьи с расширенным списком литературы доступна на сайте: http://www.economyandsociety.org/publications/working_papers.shtml.

³ Loewenstein G. Emotions in Economic Theory and Economic Behavior // American Economic Review. 2000. Vol. 90. No. 2. P. 426–432; Massey D. A Brief History of Human Society: the Origin and Role of Emotions in Social Life // American Sociological Review. 2002. No. 67. P. 1–29.

⁴ Elster J. Emotions and Economic Theory // Journal of Economic Literature. 1998. No. 36. P. 47–74.

⁵ Berezin M. Emotions and the Economy // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. 2nd ed. N.Y.; Princeton: Russell Sage Foundations and Princeton University Press. Forthcoming.

⁶ Рассмотрение трудностей, с которыми сталкиваются исследователи, см. в сборнике: Emotions and Sociology / Ed. by J.M. Barbalet. Oxford: Basil Blackwell, 2002, а обзор возможных решений этих трудностей представлен в: Lawler E.J. An Affect Theory of Exchange // American Journal of Sociology. 2001. No. 107. P. 321–352.

⁷ Turner J.H. On the Origins of Human Emotions. Stanford: Stanford, 2000.

⁸ Damasio A. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. N.Y.: Harcourt Brace and Co., 1999.

ции – это, в первую очередь, физические чувства, которые мы впоследствии артикулируем в сознании. Сознание есть отчасти культурный, отчасти исторический продукт, подверженный также институциональному влиянию. Эмоции мы переживаем на физическом уровне – эйфория, слезы, отвращение. Опыт физического переживания эмоций онтологически отличается от их интерпретации (сознательного восприятия) и от действий, которые мы осуществляем в ответ на испытываемые нами эмоции. Этого различия исследователи социальных наук часто не замечают.

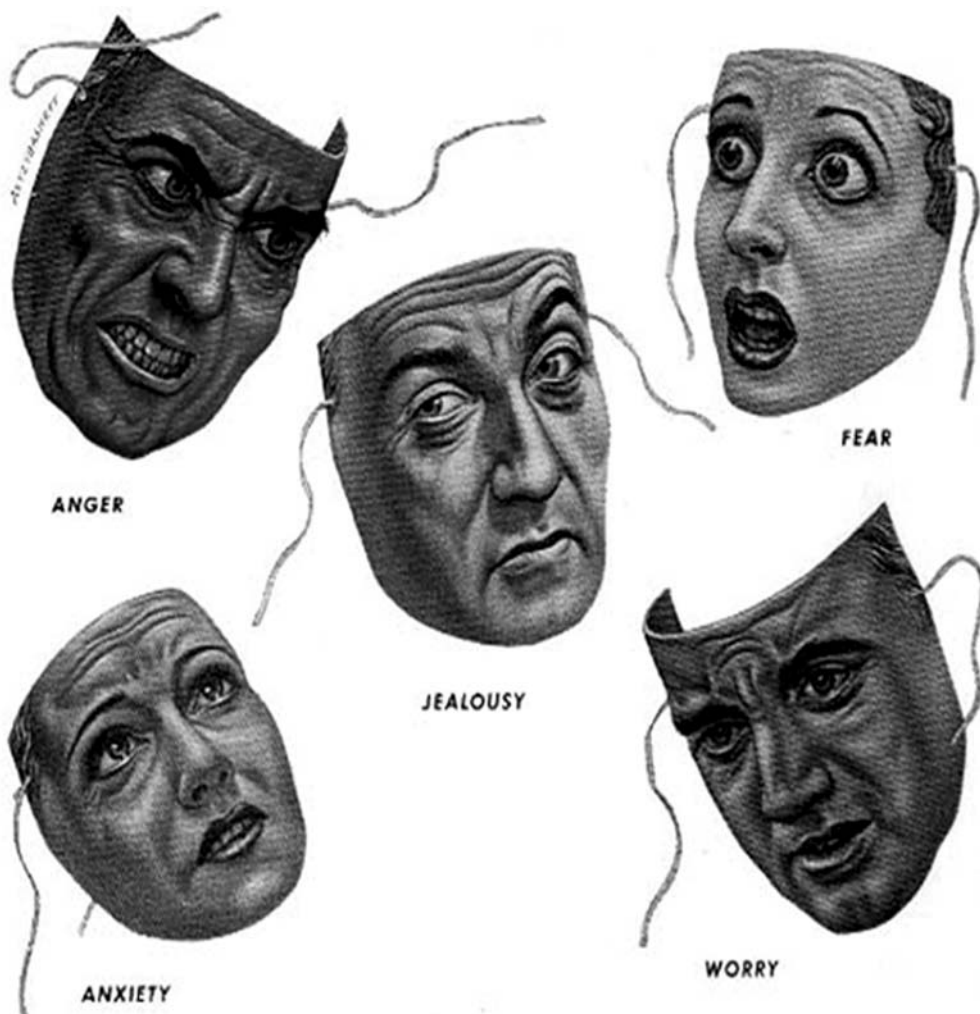
2. *Эмоции – конститутивный элемент человеческой природы, а посему и конститутивный элемент социальной жизни.* В исследованиях человеческой природы, берущих свое начало в XVIII в., предполагалось, что отсутствие эмоций и аффектов есть моральная и социальная смерть. Эта связь эмоций с этикой (моралью) и человеческой природой по-прежнему отмечается в современных работах; при этом эмоции находятся в сфере ведения моральной философии и психологии⁹.

3. *Эмоции не тождественны культуре, и наоборот.* Эмоции и культура взаимосвязаны, но должны оставаться отличными друг от друга аналитическими концептами, даже если они не различимы опытным путем. Культура, нормы, ценности влияют на выражение эмоций, а не на их чувственное переживание. Культура воздействует на практики внутри различных институтов, организаций, а также на порядок хозяйственной жизни.

Комбинация пунктов 2 и 3 предполагает следующую аксиому социальной жизни: наличие эмоций – это естественный факт; выражение же эмоций – это социальный и культурный процесс. На сегодняшний день социологи (например, А. Хохшильд¹⁰) сделали важ-

⁹ Наиболее известный пример: Nussban M.C. *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

¹⁰ Hochschild A.R. *Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structures* // *American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 85. No. 3. P. 551–575.

ный вклад в изучение правил выражения эмоций и системы управления чувствами.

4. *Доверие и риск относятся к области осмысленного восприятия, но не к эмоциям.* Доверие – это осознанное восприятие или когнитивный акт. Эмоции могут влиять на формирование этих восприятий и на осмысленное конечное состояние доверия, но эмоции и доверие не являются смежными категориями. Доверие – это суждение, которое мы выносим о действиях, культура же влияет на то, каким образом мы выносим эти суждения.

Понимание того, что эмоции – это физическое состояние, которое изначально свойственно телу, а уже потом разуму, является ключевым моментом для построения теории относительно связи эмоций и действий, включая экономические действия. В социальных науках большинство работ об эмоциях сфокусировано на изучении когни-

тивного измерения действия. При этом в когнитивном направлении недостаточное внимание уделяется тому, что индивиды обладают опытным и физическим знанием эмоций, которыми они управляют, или знанием правил, которым они следуют. Культура и сознание – важные элементы, но опыт физического переживания эмоций не менее существен. На практике культура и сознание вклиниваются между эмоциями и действием. Вклад социологии в изучение «эмоций и хозяйства» состоит в ее способности картографировать ступени между эмоциями и действием¹¹.

¹¹ П. Димаджио строит теорию относительно того, каким образом, возможно, выглядят эти ступени. DiMaggio P. *Endogenising «Animal Spirits»: Toward a Sociology of Collective Response to Uncertainty and Risk* // *The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field* / Ed. by M.F. Guillen, R. Collins, P. England, M. Meyer. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2002. P. 79–100.

Существует множество тем для экономико-социологических исследований, которые выиграли бы от введения в их анализ эмоции в качестве одного из факторов. Для начала я предлагаю обратить внимание на следующие.

1. *Завещания и наследование.* Художественная литература изобилует примерами того, как злоба, месть, а также любовь влияют на распределение наследства. Эмпирические доказательства, может быть, менее заметны, но мы знаем, что законы наследования варьируются культурно и исторически¹².

2. *Компенсация за нанесенный ущерб.* В эту категорию попадают судебные тяжбы, возбужденные в отношении смертей, наступивших в результате противоправных действий, преступная небрежность врачей при лечении больных, вообще все формы компенсации жертвам, включая недавние требования возмещения исторической несправедливости экономическими средствами. Существующая литература на эту тему обходит стороной фундаментальные эмоциональные и нормативные вопросы: можно ли определить цену нанесенной психологической травмы или совершенной в прошлом несправедливости.

3. *Потребление.* Во многих работах, посвященных потреблению, авторы не изучают, как эмоции формируют то, что, по идее, должно было быть рационально принятым решением о покупке.

4. *Коммодификация объектов эмоций и чувств.* Для понимания рассматриваемого нами круга вопросов работа В. Зелизер¹³ о любви и деньгах столь же конструктивна, как и ее предыдущие исследования на другие темы для экономической и культурной социологии.

ММК: неоконченная история методологии

Константин Фурсов

магистр социологии, аспирант факультета социологии ГУ ВШЭ

Слово «методология» происходит от двух греческих слов *methodos* («исследование») и *logos* («учение») и в широком смысле представляет собой систему общих положений, правил, принципов, составляющих основу той или иной теоретической или практической деятельности. Методология, таким образом, ограничена определенными дисциплинарными или иными рамками. Она является своеобразным скелетом любой науки и имеет дело с корпусом ее теорий, концептов или идей, со сравнительным анализом различных подходов и (или) критикой отдельно взятых методов исследований. Однако история философской мысли России XX в. преподносит нам примеры, когда методология выходит за рамки той или иной привычной области знания (математики, физики, химии, экономики или социологии) и превращается в область исследований организации и управления системами мышления и деятельности, тем самым претендуя на статус самостоятельной дисципли-

ны. Именно этой, второй, методологии как направлению мысли и как интеллектуальному движению, связанному с именем и личностью Г.П. Щедровицкого, посвящена данная заметка¹. Сразу отметим, что ввиду ограниченного формата данной публикации отсутствует возможность представить историю методологического движения в России со всеми свойственными ей особенностями и тонкостями, поэтому мы остановимся лишь на принципиальных, на наш взгляд, моментах, без которых раскрытие рассматриваемой методологии было бы неполным.

Основы методологии, или, точнее, «системомыследеятельной методологии», были заложены в 1954 г., когда созданный выходцами с философского факультета МГУ А.А. Зиновьевым, Г.П. Щедровицким, М.К. Мамардашвили и Б.А. Грушиным Московский логический кружок (МЛК) обозначил новую идею в отечественной философии. В этот период в философии, с одной стороны, господствовала «советская» диалектика, имевшая к науке весьма условное отношение, с другой – активно развивалась формальная логика, оставлявшая в стороне содержательные процессы познания². Новое направление было названо генетически-содержательной логикой, так как его последователи стремились раскрыть содержательные, а не формальные процессы познания. Но уже вскоре, а именно в 1958 г., союз молодых интеллектуалов распался. Организационным лидером Кружка стал Г.П. Щедровицкий, а сам этот Кружок получил имя

¹² Beckert J. Unearned Wealth: Discursive Structures and the Regulation of Wealth Transmission in France, Germany and the United States / Paper presented to the American Sociological Association Meetings, Atlanta, Georgia. August 16–19, 2003.

¹³ Zelizer V.A. Intimate Transactions // The New Economic Sociology: Developments in an Emerging Field / Ed. by M.F. Guillen, R. Collins, P. England, and M. Meyer. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2002. P. 274–300.

¹ Рассматривая методологическое движение в России, мы используем понятие интеллектуального движения, предложенного социологами Н. Гроссом и С. Фрикелем для обозначения «коллективных попыток следовать исследовательским программам или мыслительным проектам вопреки сопротивлению со стороны представителей научного или другого интеллектуального сообщества» [Gross N., Frickel S. A General Theory of Scientific/Intellectual Movements // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. P. 206]. На наш взгляд, данное понятие наиболее точно отражает характер социальной активности методологов и является также одним из названий этой интеллектуальной группы (Официальный сайт Фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»: <http://www.fondgp.ru/>).

² Беляничикова Л. Мы все время вели войны за свой предмет (интервью с Б. Грушиным) // RELGA. № 2 (92). 11.05.2004 // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>.

И. Валитов, М. Садовенко, Г. Щедровицкий (фото из фонда «Архив Московского методологического кружка»*)

Московского методологического (ММК).

Системомыследеятельностная методология Г.П. Щедровицкого с момента своего появления заключала в себе парадокс: не являясь научным направлением, она предполагала институционализацию в рамках науки и первоначально стремилась «отчасти реализовать неокантианскую программу, построить философию как науку», хотя «научная установка, естественно, входила в определенные противоречия с философскими и логическими представлениями»³. Это создавало большие сложности на пути соотношения нового направления мысли с существующими философскими или научными течениями: понятие и направление системомыследеятельностной методологии было сконструировано самим Г.П. Щедровицким, который видел в нем (понятии) не логическое продолжение идей Нового времени, а новый универсальный инструмент исследования орга-

низации и управления системами мышления и деятельности⁴. Этот инструмент Г.П. Щедровицкий создавал и оттачивал всю жизнь.

Общая линия развития МЛК, а затем ММК, состояла в движении от идеи содержательной логики к построению теории и схем мыследеятельности и пролегалла через понятие мыследеятельности, идеи коммуникации и обсуждения проблем рефлексии. Если обратиться к этапам развития ММК, то его институционализация выглядит следующим образом: от научной деятельности к идее социальной инженерии и проектирования с помощью игровых форм работы. Первая программа Кружка (с начала 1950-х гг.) была призвана вернуть логике статус науки о мышлении, которую она, по мнению сторонников идеи содержательно-генетической логики, давно потеряла. При этом «наука о мышлении» понималась, во-первых, как «точная», а не спекулятивная, и, во-вторых – эмпирическая, а не формально-норматив-

ная. Вторая программа ММК (с середины 1960-х гг.) была связана с построением теории деятельности и системомыследеятельностного (или системомыследеятельностного) подхода. В последнем отразились скрытая в 1950-е гг. XX в. фундаментальная для ММК установка к увязыванию мышления с задачами социального действия, стремление мыслить в контексте социального действия, преобразовывать мир посредством изменения мышления (а это выходит за рамки строго научной или философской деятельности). Основу третьей программы ММК (с начала 1980-х гг.) составила организационно-деятельностная игра (ОДИ), проект которой предусматривал осуществление инновационных работ в «мегамашине» коллективно-распределенного мышления и деятельности⁵, другими словами, предполагал изменение представлений, а в перспективе – изменение мышления.

Деятельность ММК была организована следующим образом. На каждом этапе Г.П. Щедровицкий формировал своего рода «базовую онтологию», которая задавала формы практической деятельности. Этот принцип реализовывался тремя основными направлениями (линиями) работы Кружка: обсуждением основных идей и положений методологии, реализацией теоретических принципов на практике, и, наконец, соотношением первых двух линий путем обсуждения и рефлексивного осмысления хода и результатов практической деятельности.

Обсуждение проводилось на семинарах двух уровней: на большом семинаре, который был открыт для посещения всем желающим, и на малом семинаре Г.П. Щедровицкого, куда можно было попасть только по личной рекомендации кого-либо из действующих его участников. Кандидат признавался полноправным членом Кружка после представления его первого доклада; даже в случае провала (а это обычно происходило) новоявленный участник семи-

³ Высказывания участников методологического движения приводятся по текстам серии глубинных интервью, проведенных автором в рамках проекта «Альтернативные проекты институционализации интеллектуальных движений: опыт историко-социологического анализа на примере Московского методологического кружка Г. Щедровицкого», выполненного при поддержке фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого» (грант номер № 6/Г от 16 августа 2006 г.).

⁴ В этом смысле примечательно замечание В. Розина: «Не правда ли, удивительно, что методологическое мышление, порождающее науку, которая дальше имманентно развивается, само напротив, распадается? И как это согласовать с тем фактом, что понятие "методология" возникает не раньше Нового времени, а то понятие, которым пользуется Г. Щедровицкий, создается им самим» (Розин В.М. Методология: становление и современное состояние. учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. С. 10).

* <http://www.mmk-documentum.ru/archive/photos>.

⁵ Подробнее см.: Марача В.Г. Московский методологический кружок: основные программные идеи и формы организации интеллектуальных практик. 2003 // <http://gp.metod.ru/mmk/problem/problemIssue/5>.

П. Щедровицкий, Н. Котельникова, С. Поливанова,
И. Заринская, Г. Щедровицкий, М. Гнедовский (фото из фонда
«Архив Московского методологического кружка»*)

нара мог чувствовать себя в сообществе более свободно, а в случае одобрения доклада его авторитет значительно возрастал, и он становился «своим». На малом семинаре обсуждались сложные теоретические вопросы и узкие темы, в то время как на большом они транслировались для более широкой аудитории. Свои семинары также были и у ближайших соратников Г.П. Щедровицкого, которые занимались разработкой собственных тем и направлений в рамках Кружка.

Существование и развитие методологии как самостоятельного научного направления всегда оказывалось возможным только в тесной увязке с предметными областями, из которых выстраиваемая методологическая теория получала определенную подпитку. Постоянная смена онтологий приводила к частичному изменению состава участников Кружка (уходили старые участники, несогласные с новыми идеями, и приходили новые) и проникновению в новые отрасли знания. С одной стороны, представители молодых поколений были готовы посвятить значительную долю своих сил и времени новой для них интеллектуальной деятельности, с другой – это были люди, представляющие совершенно разные области знания (в том числе и научного), что придавало коммуникации междисциплинарный характер. Обращение к исследованию

сущности мышления привело к тому, что за счет постоянного обновления идейного поля достигалось лишь накопление материала. Попытку рефлексии и объединения идей в единую теорию мыслительности Г.П. Щедровицкий предпринял в начале 1990-х гг., но в связи с его внезапным уходом из жизни эта работа не была окончена.

Деятельность в ММК подчинялась небольшому числу строгих правил. Прежде всего, требовалась оперативная расшифровка с магнитной ленты собственных докладов, что осуществлялось либо самим автором, либо, реже, кем-то из новичков (как правило, это относилось к докладам самого Г.П. Щедровицкого), чтобы участники всегда могли обратиться к авторским тезисам. Другим правилом было жесткое разграничение зон обсуждения: на семинаре и вне его рамок. Всякая дискуссия на семинаре велась безотносительно к чинам и званиям. Профессор (таких в Кружке на отдельных этапах его работы были единицы, и они не задерживались надолго) и студент здесь были равны. Это правило базировалось на убежденности самого Г.П. Щедровицкого в том, что перед Идеей все равны⁶. Существовал также жесткий негласный запрет на раз-

⁶ Взгляды Г.П. Щедровицкого описаны в его автобиографической работе: Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. М.: Путь, 2001.

Мнение эксперта

В.В. Радаев:

Мне не довелось видеть Георгия Петровича Щедровицкого в деле (за исключением редких видеозаписей), а вот с Петром Щедровицким мы сотрудничали весьма продолжительное время: я выступал в его Школе культурной политики, выезжал на региональные площадки, приглашал Щедровицкого в Институт экономики РАН, где мы проводили совместные семинары. Участвовал я также в качестве эксперта и в нескольких крупных Организационно-деятельностных играх (ОДИ). Про игры следует сказать особо. Наряду с сильнейшим интеллектуальным напряжением они, как правило, сопровождались очень высоким эмоциональным накалом (других таких случаев за всю свою жизнь я просто не припомню).

Нередко в процессе жесткой проблематизации у участников игр безжалостно выбивали «костыли и подпорки», т.е. разрушали стереотипы, сдвигали их с привычной позиции. И внезапно взрослые солидные люди терялись, не зная, что говорить и, главное, что делать дальше. Не все выдерживали подобную «встряску», кто-то «выключался» из игры или даже впадал в депрессивное состояние. Те же, кто оказывались способными совладать с ситуацией, использовали это эмоциональное и интеллектуальное напряжение, чтобы продвигать себя в игре, а вместе с тем и саму Игру. Так для одних эмоции становились тормозом, а для других дополнительным мотором.

говоры на семинаре о политических событиях и о власти, за его соблюдением следил ведущий семинара⁷. Построение методологии как нового направления мысли требовало и нового языка. Последний был выработан и походил на язык философии. Многие классические понятия при этом реконструировались в их первоначальном значении, уточнялись, дополнялись и переопределялись применительно к контексту методологической работы. Этот язык включал также и многие сложные и емкие синтетические понятия. В качестве примера можно привести само название направления – «системо-мыследеятельностная методология», для определения которой можно было бы прочитать целую лекцию. Для человека непосвященного язык методологии мог показаться непонятным и странным; ученый или философ мог бы распознать в нем какое-то оригинальное наречие, которое для методолога означало принадлежность к «своим».

Как социальная организация ММК был четко структурирован и иерархизирован. Его структура базировалась на принципе старшинства, на существовании сильных межличностных контактов и связей участников движения, а уход в оппозицию официальной идеологии сплачивал коллектив вокруг собственных идей. При этом абсолютным лидером и непререкаемым авторитетом всегда был Г.П. Щедровицкий. За ним следовали члены его семинара, которые были противопоставлены друг другу. Как мы уже отмечали выше, если кто-то становился на один уровень с Г.П. Щедровицким, он выходил из состава Кружка. Это практически всегда приво-

⁷ С 1970-х гг., когда практика проведения семинаров получила наибольшее распространение, почти на каждом таком мероприятии участники использовали магнитофон, записи на котором выполняли две функции: политическую (возможность доказать «чистоту помыслов» перед следственными органами в случае возникновения подозрений) и содержательную (возможность зафиксировать основные положения дискуссии в тексте).

Г.П. Щедровицкий

дило к конфликту и нередко означало обновление состава участников.

ММК как социальное единство (кружок) существовал до 1987 г., когда впервые был произведен набор команды игротехников. Игра стала самостоятельным направлением (до этого момента она считалась методологической практикой). Фактически произошло «открытие» границ ММК, и была создана новая форма организации, в результате чего Кружок оказался уже движением. Удержать социальное и идеологическое единство с этого момента становилось все сложнее. Чем более развивалась игротехническая практика, которая проникала в новые области деятельности, и чем более успешной она становилась, тем более ослабевал авторитет центра – Г.П. Щедровицкого и его ближайшего окружения. Наконец, кон-

фликтное начало (уход старых участников и приход новых), бывшее до этого момента средством обновления и развития Кружка, оказало разрушительное действие. Содержательный конфликт, подкрепленный собственной успешной практикой, позволял отдельным участникам занять альтернативную позицию по отношению к официальным убеждениям членов Кружка. В результате этого, был осуществлен переход к собственной практике, произошло размывание социальных границ движения и теоретических границ методологии, которую разрабатывал Г.П. Щедровицкий в последние годы жизни. С его смертью Кружок как формальная организационная единица прекратил свое существование в 1994 г.

В настоящее время методологическое движение представлено несколькими независимыми направлениями, во главе которых стоят лидеры его последнего, «игротехнического», этапа, а также официальный наследник дела ММК – сын Г.П. Щедровицкого Петр Щедровицкий. Безусловно, у них у всех много общего, и все они являются продолжателями дела, начатого в середине 1950-х гг. теперь уже прошлого века, но они по-своему видят будущее этого направления и не являются тем эзотерическим единством, с которого началась мыследеятельностная методология. ∞

Айгуль Мавлетова

магистр социологии ГУ ВШЭ

Казино: вовлеченность и эмоции

В социологии эмоций широко распространены следующие утверждения: а) эмоции вплетены в составляющие индивида, в социальные структуры и социальные отношения; б) эмоции конституируют человеческие действия и социальные практики¹.

Следуя смелым этнометодологическим предположениям, можно считать, что «важнейшие эмоции и порождаемые ими категории понимания образуют основу разделяемого всеми знания, коммуникации и общества»². Однако перевод вопроса о природе социального в плоскость эмоционального является для социологов не совсем классическим способом размышлений. Скорее, в социологии принято выстраивать объяснительные схемы эмоций через их социальную обусловленность: именно социальный контекст и взаимодействие определяют, каким образом в определенной ситуации участники переживают эмоции и чувства. Так, согласно А. Хохшильд, мы «чувствуем себя веселыми на вечеринках, грустными – на похоронах, счастливыми – на свадьбах»³.

Контекст задает определенные эмоциональные переживания. В самом широком смысле под эмоциями, пишет Д. Барбалет, понимается переживание вовлеченности. В зависимости от социальной ситуации индивид переживает разную степень вовлеченности (термин заимствован у И. Гофмана) и разную ее направленность⁴.

В данной работе мы исследовали казино, которое рассматриваем как фрейм, оформляющий эмоциональную вовлеченность игроков. Мы попытаемся показать, что фрейм «казино» организует пространство, время и игру таким образом, чтобы до самозабвения вовлечь игроков

в процесс. В казино игрока ожидают невероятное по силе эмоциональное возбуждение, получаемое от рискованных действий, радость от головокружительных побед или огорчение от смелых, но неудачных ставок. Именно в казино игрок может совершать решительные действия и в полной мере вкусить сладость победы, обыгрывая других.

В рамках нашего исследования наблюдение за игроками происходило в казино «Метелица», расположенном на Новом Арбате в Москве. Кроме того, мы взяли семь интервью у игроков и сотрудников этого игрового заведения. «Метелица» считается массовым казино: его посещают люди с различными доходами и с разной профессиональной подготовкой. Вход в это казино, по московским меркам, стоит недорого – 300 руб. (для сравнения: в «Корону» – 1500 руб.). Вы платите за вход и получаете игровые фишки. Подобный обмен является залогом того, что даже новичок начнет играть, а значит, будет вовлечен в азартный процесс.

Для начала мы опишем пространственно-временные рамки, обрамляющие эмоциональную вовлеченность посетителей казино, а затем рассмотрим, какие именно эмоциональные переживания порождает фрейм казино.

Пространство в казино

Игра в казино – это институционализованный процесс, основанный на состязании. Здесь есть определенная «арена для действий» – ограниченное пространство, закрытое для чужаков. Оно организовано таким образом, чтобы, во-первых, поддерживать вовлеченность посетителя в игру на протяжении всего времени его нахождения в игровых залах. Во-вторых – показать максимальную безопасность территории казино, а значит, его закрытость.

«Закрытым» это пространство можно считать уже только потому, что в казино отсутствуют окна. Окно символизирует открытость пространства – принципиальную возможность наблюдать все происходящее. В данном случае отсутствие окон означает отгороженность от прохожих: никто не может выступать в качестве бесцельно наблюдающего беньяминовского фланера, про-

¹ Barbalet J. Macrosociology of Emotion: Class resentment // Sociological Theory. 1992. Vol. 10. No. 2. P. 151–152.

² Роулз Э. Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретным практикам и представлений как оснований разума / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 5.

³ Hochschild A. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85 No. 3. P. 552.

⁴ Barbalet J. Why Emotions are Crucial // Emotions and Sociology / Ed. by J. Barbalet. Oxford: Blackwell Publishers, 2003. P. 1.

гуливающего по улицам города и заглядывающего в казино из любопытства⁵.

Работу казино нельзя наблюдать со стороны. Должна быть вовлеченность в процесс. Вход в игровое заведение – это целенаправленное действие, цель которого выбирается рефлексивно и планируется заранее.

Кроме того, сами игроки должны целиком «выпадать» из повседневной жизни, ведь окно можно рассматривать как связь игры с миром повседневности. Казино полностью изолирует индивида от других миров и от внешних наблюдателей.

Казино также должно быть местом, в котором выигрывать деньги безопасно. Принципиальная скрытность и безопасность посетителей являются базовыми условиями функционирования игрового заведения.

Пространство залов структурировано таким образом, чтобы посетители, забывая «серый» и скучный мир повседневности, переносились в яркий мир казино, в котором каждый сам управляет своей судьбой.

Однако не только пространственное, но и временное измерение в казино направлено на полное вовлечение посетителей в игру и поглощение ею.

Время в казино

«Общность времени, – пишет А. Шюц, – относится не столько к количеству внешнего (объективного) времени, разделяемого партнерами, сколько к тому, что каждый из них участвует в регулировании внутренней жизни Другого⁶. Казино намеренно пытается исключить из фрейма категорию объективного времени: оно от-

крыто 24 часа в сутки, 12 месяцев в году; его фрейм не зависит от «пространственного» времени. В игровом заведении индивид не найдет никакого упоминания о времени: здесь нет календарей, часов, окон. Игрок не может узнать время у дилеров: работникам запрещено носить часы. Здесь как будто отсутствует течение времени, точнее, время в казино приостановлено. Есть только игра и время игры.

По словам одного из игроков, «в казино нет часов: там нет времени, там только время игры... Ты вообще не должен знать, сколько времени – сколько времени ты играешь, сколько времени ты здесь находишься, сколько времени еще будешь здесь находиться. Время – это то, о чем ты забываешь. Ты просто играешь, играешь и играешь...»

Для посетителей время за игрой пролетает незаметно. Игрок не может сказать, сколько времени он будет играть. В казино говорят только о продолжительности игры, а ее время является неопределенным.

Время игры разделяется участниками на удачливое и неудачливое. Например, у посетителей казино есть понятие «пятиминутка» – довольно короткий по длительности отрезок времени, в течение которого игрок выигрывает практически любой картой. Часто можно услышать обоснование выигрыша соперника именно этой – временной – фортуной. «Пятиминутка!» – кричат игроки, объясняя, почему «везет» сопернику, а не им.

Если у игрока удачливое время, его целью становится максимизация выигрыша, если неудачливое – минимизация проигрыша. И здесь решающее значение имеет умение игрока вовремя закончить игру. Однако казино настолько захватывает и удерживает внимание посетителей, что даже опытным игрокам сложно справиться с неудержимым желанием продолжить игру. Поэтому посетители часто прибегают к внешним способам ее

⁵ См. Benjamin W. Paris, *Capital of the Nineteenth Century // Reflections: Essays, Aphorisms, Autobiographical Writing*. N.Y.: Schocken Books, 1986. P. 146–163.

⁶ Шюц А. Возвращающийся домой // Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 211.

прекращения. Одним из самых эффективных признаний следующий: отправляясь в казино, игроки берут с собой определенную сумму и в случае проигрыша стараются придерживаться принципа – не занимать деньги у других игроков.

«В основном я стараюсь брать с собой небольшую сумму, около 100 долл., – делится своей стратегией студент, играющий в покер, – чтобы не было разбега для проигрыша».

Прекращение игры, а значит, «укрощение» собственной страсти, – процесс, не поддающийся контролю на индивидуальном уровне. Вовлеченность, которую определяет и воспроизводит фрейм казино, порождает чувство реальности происходящего. Именно эмоциональная вовлеченность всех участников поддерживает взаимодействие и воспроизводит чувство социального в «мы»-отношениях.

Полностью вовлекаясь в мир казино, игрок трансформирует свою индивидуальную сущность и соприкасается с сущностью коллективной; он обнаруживает себя в реальности, разделяемой другими участниками игры, находящимися с ним во взаимодействии лицом к лицу. Мы можем себе представить, какие эмоции должны испытывать люди в определенных социальных ситуациях: например, печаль – на похоронах, счастье – на свадьбах. Тем не менее остаются открытыми вопросы: что за эмоции конституирует фрейм казино? какие эмоции должны испытывать игроки, посещающие его?

Эмоции в казино

Если в религиозных ритуалах, которые описывал Э. Дюркгейм, индивиды испытывают невероятное по силе возбуждение и бурление чувств, их интегрирующее, то в казино игроки, находясь по разные стороны баррикад, испытывают эмоции, их разобщающие. Вы-

игрывающий испытывает радость, проигрывающий – печаль, огорчение и, возможно, страх перед возможностью не отыграть проигранное.

В казино преобладают действия, ориентированные на получение индивидуальной выгоды. «Понимаете, – объясняет один из игроков, – здесь никто никому ничем не обязан, ты никому не нужен, и каждый заботится только о своем выигрыше».

Однако, как сказал бы Н. Элиас, в казино находят легитимный выход агрессивные эмоции. Общее нервное возбуждение и беспокойство, которые испытывают игроки за столом несмотря на проигрыш или выигрыш, – вот что их объединяет. Выброс эмоций и адреналина – именно за этим, по нашему мнению, люди приходят в казино.

Вот как описывает это состояние в интервью один из дилеров: «Люди здесь не переживают какие-то эмоции вместе. Совсем наоборот, в казино эмоции разобщают: люди испытывают совершенно разные чувства. Что одним радость, другим – потеря».

Менеджер казино рассказывает: «Посетители казино различаются как по классовой принадлежности, так и по отношению к игре. Что их роднит, так это чувство азарта в момент игры. Несмотря на, казалось бы, главную цель – выиграть деньги, основной целью посещения казино остаются эмоции и порция адреналина, которая вырабатывается в момент решающей ставки. Для того чтобы испытать это чувство, кому-то надо поставить 100 долл., кому-то – 1000 долл. Есть игроки, которые не умеют выигрывать, – они получают свою дозу эмоций во время проигрыша. В общем, по моему мнению, эмоции занимают здесь самое главное место».

Однако в большинстве своем среди посетителей казино принято не показывать эмоции. Главным умением игрока является контроль над эмоциями и умелое маскирование их от чужих глаз.

Игроки приходят в казино не столько за тем, чтобы получить сильные эмоции и выразить легитимным способом агрессивные импульсы, сколько за тем, чтобы показать, как в условиях неопределенности во время роковых событий с непредвиденными последствиями, несмотря на возможные проигрыши и неудачи, они могут показать свой характер, управляя эмоциональным состоянием и направляя все усилия на достижения победы.

«Конечно, удовольствие, доставляемое игрой, зависит не только от выигрыша и победы, а вообще от состава "стола". Бывают столы интересные, и там интересно выигрывать, а бывает, что игра идет вяло, люди скучные. Естественно, стараешься выбрать стол, его состав, игру, поинтереснее и где выиграть можно».

Как пишет И. Гофман, «особого рода моральная игра» состоит в том, чтобы продемонстрировать свой сильный характер, или, иными словами, способность эффективно и правильно вести себя в роковой ситуации, когда возможны значительные последствия⁷. В казино все действия игроков направлены на самоутверждение: в них проявляются характер и стремление к самоутверждению. В итоге обстановку в казино можно рассматривать как ситуацию, в которой взаимодействующие индивиды, контролируя свои эмоции, «соревнуются характерами» и получают сильнейшее эмоциональное возбуждение в том случае, если на фоне других им удастся продемонстрировать «силу своего характера».

Если игроку повезло – пришли хорошие карты, он точно оценил ситуацию, вовремя принял решение, когда и какую именно сделать ставку, – и выиграл, то игрок испытывает эмоциональное возбуждение: он разрешил ситуацию неопределенности, справился с эмоциями и стал победителем. Это возбуждение и удовлетворение

усиливаются, когда игрок одерживает победу над другими, например, в покере. Эту игру иногда сравнивают с «моделью жизни»: «Искусство игры в покер сродни искусству жить и побеждать»⁸. Значимым здесь оказывается то, у кого именно выигрывает игрок и кого он побеждает.

Основой игр в казино являются постоянная борьба и состязательность. На кону, по мнению И. Гофмана, стоит характер индивида. Игрок должен уметь управлять роковыми событиями таким образом, чтобы не показывать страха, не бояться принимать дальнейшие решения, осуществлять рискованные действия. Наоборот, он должен преодолеть эмоцию страха и «укротить» ее. В особенности это касается моментов, когда дело оборачивается проигрышем. Если игрок справляется с ситуацией

полного проигрыша и до конца придерживается стратегии «последней фишки» – когда одна фишка, даже последняя, рассматривается как шанс на выигрыш, – он считается упорным игроком с характером. Борьба до последнего и нежелание сдаваться, имея хоть какой-то шанс на победу, – качества, которые особо ценятся среди игроков.

Большинство игроков внешне спокойны, а это означает, что они не утратят эмоциональный контроль в случае возможных резких изменений в их судьбе в любой момент игры. Наибольшее эмоциональное удовлетворение игрок получает, когда на протяжении всей игры, несмотря на проигрыши, он не теряет самообладания и самоконтроля, а напротив, собирается и с новыми силами побеждает, прежде всего себя, а затем уже и своих соперников.

***

Взяв в руки карты, люди, забывая о мире повседневности, переносятся в мир игры, где, пытаясь контролировать свои эмоции, становятся решительными и находчивыми, совершают смелые поступки, которые могут привести и к невероятным ошибкам, и к блистательным успехам. Важно, что все это происходит на фоне эмоций и переживаний как самого актора, так и других взаимодействующих с ним лиц. И в каждой игре посетители казино, начиная с нуля, ставят на кон свое благосостояние и соревнуются в игре, испытывая сильнейшие эмоции в случае выигрыша и поражения, когда, контролируя выражение собственных эмоций, они стараются победить себя и других игроков.

⁷ Goffman E. Where the Action is // Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y.: Pantheon Books, 1967. P. 217, 240.

⁸ Гик Е., Лесной Д. Мифы и легенды покера // Casino Games. 2007. № 5. С. 10.

Экономсоциология и реклама

The **LESI GUIDE** to

CLINIQUE

FOUCAULT

- сообщения!
Всего 55 копеек!

SPSS

История **Marx & Engels** в России
Мы рядом, чтобы улучшить вашу жизнь, M&E

Get to feeling
GOOD AGAIN!

Pricing the
Priceless
Child

Alka

Zelizer

Parsons

Волшебный сон от

MAYBE LENIN
Moscow

MA X WEBER
советуют профессионалы

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической социологии, руководитель ЛЭСИ, первый проректор ГУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, научный сотрудник ЛЭСИ

Елена Александрова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, менеджер ЛЭСИ

Мария Правдина

магистрант факультета социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Художественный редактор
(дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист, дизайнер

Отдельная благодарность

Редактору Кларе Мироновне Канюк

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Галина Иванченко

доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии, зам. декана по научной работе факультета социологии ГУ ВШЭ

Мейбел Берзин

доцент социологии Корнелльского университета США

Константин Фурсов

магистр социологии, аспирант факультета социологии ГУ ВШЭ

Айгуль Мавлетова

магистр социологии ГУ ВШЭ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

125319, Россия, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 403
тел.: (495) 152-07-61
e-mail: ealexandrova@hse.ru
web: ecsoclab.hse.ru

Адрес редакции

125319, Россия, г. Москва,
Кочновский проезд, д. 3, комн. 403
тел.: (495) 152-07-61

Выходит один раз в два месяца

При финансовой поддержке Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера: ecsoclab.hse.ru